

© Т. А. Трипольская, Е. А. Гончарова

DOI: [10.15293/2226-3365.1403.06](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1403.06)

УДК 801.001

ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЛЕКСИКОНЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Т. А. Трипольская, Е. А. Гончарова (Новосибирск, Россия)

В настоящей статье рассматривается формирование лексикона взрослой языковой личности (ЯЛ), включающее многоступенчатые процессы включения/вытеснения лексических единиц. Динамические процессы в структуре ЯЛ являются постоянными, однако их интенсивность мотивируется внешними причинами, а также языковым потенциалом личности. Освоение нового языкового и ментального пространства, а также изменение значимости единицы в словаре («чистка словаря») представляют собой сходные процедуры, состоящие из нескольких основных этапов: «увидеть» новое или непригодное старое слово, выявить его значимость, соотнести с другими единицами словаря (синонимами, в первую очередь), построить временную микропарадигму из слов-конкурентов, научиться извлекать сначала привычное – потом новое, а затем новое, параллельно комментируемое привычным, и наконец, только новое, но маркированное как новое, недавно освоенное слово.

Динамические процессы в словаре индивида позволяют определенным образом его охарактеризовать, вводя в типологию языковых личностей новый аспект – наличие/отсутствие языкового слуха, качество, скорость и способы изменения лексикона.

Ключевые слова: языковая личность, динамические процессы в лексиконе говорящего, способы включения/вытеснения лексических единиц, саморефлексия.

Обычно активные процессы в словаре индивида связывают со становлением языкового сознания у детей, однако и лексикон взрослого человека пребывает в постоянном, хотя, может быть, не таком заметном движении.

При этом, в отличие от освоения языка в онтогенезе и иностранного языка, здесь

усваиваются отдельные лексические единицы, группы слов, а не цельная система языка. Индивид постепенно выстраивает / дополняет / корректирует в своей вербальной сети микропарадигму, увязывая новые и старые элементы языка в определенную подсистему.

Трипольская Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: tr_tatiana@mail.ru

Гончарова Елена Алексеевна – кандидат филологических наук, директор, Агентство копирайтинга и корпоративной прессы "Парафраз".

E-mail: 4flame@mail.ru

Мы рассматриваем процессы, протекающие в словаре индивида, осваивающего новую лексику или, наоборот, избавляющегося от каких-то элементов словаря. Существенной стороной такого исследования является описание того, как указанные динамические процессы осмысливаются самим говорящим субъектом. Характерные особенности протекания данных процессов в лексиконе языковой личности (ЯЛ) позволяют охарактеризовать ее с точки зрения способности к языковому развитию.

В последнее время в лингвистике идет активный поиск критериев для описания ЯЛ. Выделяются такие параметры, как тип речевой культуры ЯЛ (Ю. Д. Апресян, В. Е. Гольдин, О. Б. Сиротинина, В. Д. Черняк и др.), уровень языкового / коммуникативного развития (Г. И. Богин, Ю. Д. Апресян, Т. Г. Винокур, Т. А. Трипольская, С. Н. Цейтлин, В. И. Карасик, Т. А. Буданова и др.), используемые ею речевые жанры (В. В. Дементьев, К. Ф. Седов, М. Ю. Федосюк, Т. В. Шмелева, О. С. Иссерс, О. А. Казакова и др.), социальная роль, которую играет ЯЛ (Л. П. Крысин, В. И. Карасик, И. Н. Горелов, К. Ф. Седов и др.), уровень лингвокреативности (Т. А. Гридина, М. В. Ляпон, Б. Ю. Норманн, С. Н. Цейтлин, В. З. Санников, В. Д. Черняк и др.), поведение в конфликтных ситуациях (К. Ф. Седов), психологический тип (М. В. Ляпон, И. Н. Горелов, Т. А. Трипольская и др.). Подробный анализ существующих параметров описания языковой личности см. в [1].

Встраиваясь в контекст поиска параметров описания ЯЛ, мы попытаемся выявить такие характеристики, как уровень ее речевого развития в соотношении с лингвокреативностью, способность к обучению и изменению своего словаря и способность к саморефлексии.

Логика настоящего исследования привела к необходимости некоторого расширения понятия лингвокреативности, которая обычно понимается как способность языковой личности к речетворчеству, к языковой игре, к рефлексии над своим речевым поведением. Думаю, что можно расширить это понятие, включив в него способность индивида к развитию своего лексикона и к творческому осмыслению этого процесса. Таким образом, в статье рассматриваются такие параметры описания ЯЛ, как качественные и количественные характеристики процесса формирования лексикона (время усвоения языковых единиц, влияние коммуникативной среды, основные стратегии и способы освоения / вытеснения лексических единиц из словаря и т. п.)

Процессы усвоения языковых единиц говорящим субъектом традиционно рассматриваются в русле психолингвистики. В этих работах описываются стратегии и способы идентификации слова индивидом. Основным методом исследования является психолингвистический эксперимент [2–3].

Наш подход к решению подобных задач связан с осмыслением иной методики и иного языкового материала.

В качестве языкового материала мы используем фрагменты дискурса языковой личности из художественного текста, где персонаж рассматривается как модель ЯЛ [4–5]. Исходя из поставленных задач, отбирались тексты, в которых говорящие в той или иной форме отражают рефлексию над процессом изменения своего словаря. Это произведения, авторы которых чаще всего являются филологами, переводчиками, преподавателями-лингвистами и т. п. и увлекаются языковой игрой: современные повести, рассказы, романы, а также тексты, написанные в жанре «фэнтези» и научной фантастики.

При исследовании динамических процессов в словаре ЯЛ мы, конечно, учитываем определенную условность персонажной речи: естественную фрагментарность и избирательность в отражении динамических процессов, подчиненность описания тех или иных коммуникативных событий авторским задачам (характеристика персонажей, развитие сюжета, приобщение читателя к языку произведения и др.). Надежду на получение результатов, которые можно рассматривать как отражающие реальные ментально-языковые процессы, дает объем материала: проанализировано около 2000 контекстов, которые, в свою очередь, объединены в группы (от 2–3 до 28 обращений героя к слову, которое им осваивается или, напротив, устраняется из активного словаря).

В рассматриваемых произведениях с большей или меньшей степенью адекватности представлена ситуация *постепенного* усвоения, доусвоения и вытеснения слов родного языка (а порой и чужого, и даже вымышленного).

Закономерен вопрос: что нового мы узнаем о ментально-языковых процессах формирования и изменения словаря по сравнению с психолингвистической практикой? Как кажется, такой исследовательский подход и используемый языковой материал позволяют построить ментальный сценарий, включающий разные этапы указанных процессов: 1) рассматривать усвоение ЛЕ как пролонгированный, многоэтапный, сложный процесс, качественные и количественные характеристики которого зависят от способностей ЯЛ к изменению своего словаря, а также от специфики усваиваемого языкового знака; 2) моделировать не только сценарий усвоения слова, который описан в рамках психолингвистических исследований, но и сценарий удаления ЛЕ, который может быть вполне

сознательным (речь не идет о тех единицах, которые уходят, забываясь, естественным путем); 3) выявлять способы и стратегии, которые использует ЯЛ при включении / удалении / перемещении ЛЕ по вербальной сети и об уровне осознанности этих ментально-языковых феноменов говорящим субъектом.

На активизацию протекания динамических процессов в лексиконе ЯЛ влияет ряд причин – здесь вполне уместна параллель с динамическими процессами в языке (О. Н. Ермакова, Е. А. Земская, Л. П. Крысин и др.). К внешним причинам относятся такие, как потребности личности и социально-культурная среда; к внутренним – расширение когнитивного пространства говорящего субъекта, наличие у него мотивации для работы над своим словарем, активная рефлексия ЯЛ относительно своей и чужой речи, языковая восприимчивость, память и т. п.

Ментальный сценарий (инвариантная модель) изменения лексикона ЯЛ содержит постоянные и переменные элементы, которые, варьируясь, формируют индивидуальный сценарий активизации или нейтрализации ЛЕ.

Постоянные элементы ментального сценария обусловлены существенными характеристиками процесса (его тип, характер ЛЕ), а переменные – преходящими, такими, как стратегия усвоения (путь встраивания), особенности памяти ЯЛ, ее настрой, коммуникативная ситуация, необходимость ЛЕ для говорящего субъекта, влияние языковой среды, способность индивида к рефлексии над языковыми и коммуникативными процессами.

В настоящей статье речь пойдет о поэтапном встраивании/вытеснении слова в словарь человека.

Понятно, что особенности динамических процессов, происходящих в словаре,

обусловлены спецификой конкретного слова. ЛЕ, участвующие в процессах освоения/вытеснения, делятся на слова, являющиеся для индивида полными или неполными агнонимами (соответственно – и типы лакун: когнитивные или лексико-семантические), реально существующие и искусственные, на русские и заимствованные, на терминологические, общелитературные, разговорные, жаргонные, просторечные и т. д. Также на протекание динамических процессов в словаре говорящего субъекта влияют специфика его лексикона и стратегии, им используемые.

В контексте настоящей работы можно говорить о двух типах лакун: 1) когнитивные (отсутствие единиц понятийной сферы и соответствующих номинаций); 2) лексико-семантические, представляющие собой отсутствие в лексиконе какого-то одного слова или значения, относящегося к определенной области [6–8].

Приведем примеры таких лакун. 1. Когнитивные лакуны: *...мы должны поступить так, как нам подсказывает педагогический долг – «долг лояльных советских граждан».* <...>. *Еще с вечера я твердил эти слова: «вульгаризация», «популярность» и «лаояльный долг».* «Вульгаризацию» сказал, теперь остались «популярность» и «лаояльный долг» (В. Каверин). Герой не знаком со случайно услышанным словом и стоящим за ним понятием *лояльный*, оно является для него полным агнонимом. В связи с этим он совершает сразу две ошибки: во-первых, искажает фонетический облик слова, во-вторых, не понимая семантики слова, строит бессмысленное словосочетание *лаояльный долг*.

Примером лексико-семантической лакуны для главного героя «Обитаемого острова» Стругацких является слово *массараки*. М. Каммерер начинает осваивать диффузное и многообразно окрашенное, эмоционально-

оценочное (бранное, например), экспрессивное слово с нуля. Проходит немалое время, пока не появится «расшифровка», которая будет опираться на такие контексты:

– *Где тебя носит, массараки? Кто тебе разрешил уходить? Работать надо, а то жрать не дадут, тридцать три раза массараки! – Ты не обижайся Мак Сим, массараки...*

– *Что за звучное слово. Что за язык!*

<...>. Максим понял, что находится в гигантской ловушке, что контакт сделается возможным только тогда, когда ему удастся буквально вывернуть наизнанку естественные представления, сложившиеся в течение десятилетий. По-видимому, это уже пытались здесь проделать, если судить по **распространенному проклятию «массараки»**, что буквально означало «мир наизнанку».

– **Массараки-и-массараки!** *Что ты ко мне пристал? Я же не знал, что ты не знаешь, что она дома! Я думал, ты меня разыгрываешь! И потом... о каких таких служебных тайнах мы тут говорим?*

– **Массараки...** – *пробормотал Максим.* – *Я совсем забыл про эти штуки!* (А. и Б. Стругацкие. Обитаемый остров).

В зависимости от типа лакун в лексиконе ЯЛ их заполнение происходит различными способами. Когнитивные лакуны заполняются дольше и труднее, это связано с их спецификой – отсутствием в вербальной сети ячейки, к которой индивид мог бы «отнести» слово. При заполнении лексико-семантических лакун говорящий субъект включает слово в уже существующую ячейку вербальной сети, увязывая его с «соседями» по разным осям семантического пространства.

Новая ЛЕ может заполнять лакуну в вербальной сети, но может и являться дубли-

том (семантическим, стилистическим и т. д.) уже имеющейся в лексиконе единицы. В таком случае одна из ЛЕ со временем заменит другую или между ними установятся особые индивидуальные смысловые и стилистические отношения – произойдет внутренняя дифференциация смыслов. Процессы вытеснения ЛЕ и последующего ее возвращения в речь ЯЛ также взаимосвязаны: если индивид не смог окончательно избавиться от слова, то со временем оно возвращается в его активный словарь, когда, например, ослабеваает этап контроля человека за своей речью. Процесс, связанный с расширением семантической структуры слова, влияет на изменение прагматического содержания ЛЕ, что приводит к передвижению слова по вербальной сети ЯЛ.

Процессы усвоения или вытеснения слова связаны с несколькими этапами: знакомство со словом, освоение слова, начиная от звуковой и грамматической формы до семантических нюансов, включение слова в вербальную сеть, установление отношений с другими единицами, доосвоение семантико-прагматического содержания слова, творческое использование слова (языковая игра, эксперимент),

В качестве примера приведем многоступенчатый процесс усвоения слова **умклайдет**:

– *Напрасно вы это сделали, Александр Иванович, – сказал приятный мужской голос. – Что именно? – спросил я, оглянувшись на зеркало. – Я имею в виду умклайдет. <...>. – Не понимаю, о чем речь, – сказал я. В комнате никого не было, и я чувствовал раздражение. – Я говорю про умклайдет, – произнес голос. – Вы совершенно напрасно накрыли его железным ковшом. Умклайдет, или, как вы его называете, – волшебная палочка, требует чрезвычайно осторожного обраще-*

ния. – Потому я и накрыл... (А. и Б. Стругацкие. Понедельник начинается в субботу).

На следующем этапе все еще остается для ЯЛ частичным агнонимом: не усвоены произношение, семантика или грамматические особенности единиц. Об этом свидетельствуют различные ошибки, колебания семантического, произносительного, грамматического или стилистического характера:

Я поднял руки. – Ради бога, все, что вам угодно! Убирайте ковшик... Убирайте даже этот самый... ум... ум... эту волшебную палочку <...>. – Тут я остановился, с изумлением обнаружив, что ковшика больше нет. Цилиндрик стоял в луже жидкости, похожей на окрашенную ртуть. (А. и Б. Стругацкие).

Новое слово, которое еще не отложилось в памяти, уже соотнесено с синонимами и встроено в соответствующую микропарадигму. В процессе такого контрастного или дополнительного употребления старых и новых единиц происходит их семантико-прагматическая дифференциация.

Соотнесение старых и новых единиц лексикона эксплицируется в речи тремя основными путями: 1) говорящий выстраивает синонимические цепочки, в связи с чем в его речи появляется так называемая «временная синонимия», причем важным показателем является то, какое слово – старое или новое – употребляется первым; 2) индивид комментирует новое, непривычное слово, поясняет его семантику и особенности употребления; 3) говорящий совмещает первый и второй способы. Собственно, это и есть единицы контекста с имплицитным метатекстовым содержанием, например, различные языковые трансформации, которые позволяют выявить интенции и речевые тактики говорящего, – переносы, синонимические замены, парафра-

зы, сравнения и др. [9]. Подобное метакомментирование может маркировать чужую и недоосвоенную лексическую единицу.

Особо интересны процессы корректировки своих представлений о слове, уточнения значений и прагматических нюансов, которые соответствуют и формированию нового понятия. В качестве примера рассмотрим некоторые этапы освоения слова *выродки* М. Каммерером в «Обитаемом острове», которое он вначале соотносит с мутантами (– *Я думал, что это действительно выродки. Вроде голых, пятнистых... животных*). Напомним, что герой говорит на языке жителей другой планеты и соотносит слово с известным ему значением: **выродиться**. 1. Ухудшиться в своей природе, утратив ценные свойства предшествующих поколений (МАС). Новое вымороченное содержание этого слова герой усваивает и осмысляет вместе с читателем, поэтапно продвигаясь к новому семантическому и прагматическому содержанию, практически к такому, которое фиксирует наш словарь: 1. (Разг., презр.) Человек, который выделяется в своей семье или своей среде **крайне отрицательными качествами**. 2. (Разг.) О том, кто **не похож по своим физическим, душевным и т.д. качествам на других членов** семьи или какой-л. категории лиц, к которой он принадлежит. (МАС).

В тексте 14 фрагментов, в которых обсуждается / осмысляется / усваивается семантика слова, специфика явления и его оценочная квалификация: собственно, здесь заявлена одна из главных тем авторов – приятие / неприятие чужого, непохожего, другого, связанного с образом врага (см., например, «Жук в муравейнике»). Иными словами, для авторов освоение слова и продвижение героя к подлинному смыслу, конечно, не самоцель,

это способ введения концептуально значимой информации.

Начав с того, что *выродки* – платные агенты хонтийцев, герой приходит к своему понятию, стоящему за этим словом: – *Но вот, кстати, о зубном враче. <...>. Это очень смелый и хороший человек. – Выродок! – Хорошо. Это смелый и хороший выродок. Я видел его библиотеку. Это очень знающий выродок;*

– *Что вы думаете о выродках? Думаю, что термин неудачен. Думаю, что вы – заговорщики. Цели ваши представляю довольно смутно. Но мне **понравились люди**, которых я видел сам. Все они показались мне **честными** и... как бы это сказать... **не оболваненными, действующими сознательно;***

– *Теперь хорошо бы понять, какая существует связь между больной головой и пристрастием к оппозиции. Почему систему ПБЗ стремятся разрушить только **выродки**? И при этом даже не все **выродки**?*

Как видим, оставляя неудачный, с его точки зрения, термин, герой меняет его содержание и оценочные коннотации на противоположные.

Можно предположить, что процессы изменения словаря протекают в тесной связи друг с другом. Освоение нового слова часто связано с процессом вытеснения старого. Процесс вытеснения ЛЕ в значительной степени слабее изучен современной лингвистикой.

В качестве примера, иллюстрирующего динамические процессы в лексиконе ЯЛ, приведем анализ персонажной речи (Б. Акунин. Любовник смерти). Исследуемой ЯЛ является Сенька Скориков, 12-14-летний сирота, освоившийся в воровской среде Хитровки (начало XX века), затем извлеченный из этого недетского мира главным героем, занявшимся его перевоспитанием. Этот языковой мате-

риал свидетельствует о том, что уровень лингвокреативности, способность быстро впитывать услышанное – усваивать и присваивать – не всегда напрямую связан с «отправной точкой» – типом речевой культуры.

ЯЛ персонажа в высшей степени эклектична, в ней соединены языковые черты определенного социума начала XX в. и ярчайшие черты современной личности, которая из маргинальной становится все более распространенной. Языковой доминантой говорящего является высокая степень обучаемости, языковая восприимчивость и умение получать «выводное» знание: герой осваивает язык Хитровки, накладывая его на свою просторечную основу, а затем постепенно избавляется от воровского арго и от просторечных элементов, поэтапно наращивая слой литературного языка, включающий огромное количество новых слов. Авторская версия этого процесса отражает все основные черты усвоения лексических единиц, выявленные лингвистами и психологами.

Стартовые характеристики ЯЛ: характеристики лексики как литературной или нелитературной для лексикона ЯЛ незначимы, представление о формах существования русского языка и о функциональных стилях тем более в языковом сознании отсутствует. Так, значимость эмотивно-оценочной лексики (ЭОЛ) в языковом сознании персонажа совершенно иная (нередкая черта и современного говорящего, основные характеристики которого обыграны в образе С. Скорикова), чем в сознании образованной ЯЛ: лишь часть единиц этого словаря отличается известными нам коннотативными элементами, большинство же слов для акунинского героя нейтрально. Ср.: – *Ну вот что, герр Шопенгауэр, – объявил Эраст Петрович, кончив мазать Сенькину рожу пахучей дрянью...; Сенька не сразу допер, что эта колымага сама по*

себе ездит, без коня; Из-за этого самого прогресса инженер с Масой чуть не каждый день собачились; И рожка гладкая, собой красивая, только немолодой уже, с седыми висками.

Коннотативно и стилистически окрашенная лексика русского языка для ЯЛ является нейтральной (очень похоже на сегодняшнее положение дел).

Обучение героя (Эраст Фандорин в роли профессора Хиггинса) состоит из нескольких параллельных процедур: во-первых, это устранение «негодных» лексических фрагментов, во-вторых, внедрение заменяющих элементов, а также расширение словаря как следствие усложнения и обогащения картины мира.

Проще всего из активного словаря «уходит» арготическая лексика – изменились жизнь и круг общения героя. Сложнее с эмотивно-оценочной лексикой. В тексте обыгрывается простейший педагогический прием – запрет на «плохие» слова: *Тут Сенька встрял. Спросил, где у японцев душа – в брюхе или в харе? Интересно же! Инженер Сенькиного вопроса сначала не понял, а когда понял, заругался и велел впредь харю называть не «харей», не «мордой», не «рожей», а «лицом». В крайнем случае, если захочется выразиться сильнее, то можно «физиономией».*

ЭОЛ искореняется не только в тех случаях, когда наблюдается ее нейтральное употребление, но и когда слово передает эмотивные и оценочные смыслы.

Таким образом, номинативный и эмотивно-оценочный словари в большинстве случаев для ЯЛ оказались разграниченными по принципу «можно – нельзя» (известный детский прием), а не на основании семантико-прагматических различий; внедряется только одна коннотация – «неподходящее слово».

Любые изменения в лексиконе говорящего влекут за собой момент сосуществования языковых единиц-конкурентов и дальнейшее переосмысление значимости этих лексических фрагментов в словаре. В нашем случае точно схвачен момент сосуществования двух типов номинации, причем одна – разрешенная, другая – запрещенная. Ср.: ...*в пяти шагах ни хрена не разглядишь... даже рожу, в смысле лицо, сажей намазал... Сенька башкой, т. е. головой, вправо-влево покрутил, провел ре-ког-но-сци-ровку. Ничего подозрительного не заметил... столько дней гузкой тряс... малость наблатыкался, то есть немного освоился; Вот Проха потрянул башкой (ну головой, головой), сунул руки в карманы...*

Результаты анализа художественного текста подтверждаются исследованием реальных ситуаций. Так, глагол *ложить* под напором окружающих проходит все стадии вытеснения из речи ЯЛ: *ложить/класть* употребляются одновременно, через запятую или через «то есть», затем (через немалое время!) появляется *класть* («если уж вы так хотите» и пр.) и, наконец, *класть* с комментарием *а кладку* (каменную) *все-таки ложат*. Стоит, наверное, сказать, что удаление слова из активного употребления происходит медленнее, чем усвоение, с возвращениями в ситуации ослабления контроля и самоконтроля.

Вернемся к акунинскому герою. В первых примерах есть лишь отдельные лексемы (*рожа, башка*), которые осознаются как непригодные; рядом с ними естественным образом употребляются куда более вульгарные характеристики, но на них пока запрет не наложен, а диссонанс между ними и нейтральными словами не ощущается ЯЛ. Однако в дальнейшем и другие просторечные и эмотивно-оценочные единицы подвергаются пересмотру с точки зрения пригодности

(*отмусолил, наблатыкался* и др.). Эти привычные для говорящего единицы естественно возникают первыми, однако этап «контроль» в процессе порождения речи работает четко: даже во внутренней речи автор «заставляет» героя править себя с помощью нейтральных синонимов.

«Чистка» словаря идет не без потерь. Герою, конечно, не грозит потерять весь эмотивно-оценочный словарь – он у него богат и многообразен, только качество лексики оставляет желать лучшего. В принципе же избранный путь в какой-то степени тупиковый: лексикон человека не станет богаче, если устранить экспрессивную лексику, с помощью которой говорящий удовлетворяет широкий круг коммуникативных потребностей. Текст содержит примеры таких высказываний персонажа, в которых очевидна нехватка отрицательных коннотаций в семантике заместителя эмотивно-оценочного слова: *Как только пастух, бесстыжая харя, то есть бесстыжее лицо, катеньку в картуз прибрал, корова встала и пошла себе. Хоть бы ей что... – Найти бы его, паскуду, и башку оторвать, вставил свое слово Сенька. – Не башку, а голову. Но как бы там ни было, сначала нужно его найти.*

Слова с эмотивно-оценочным значением и стилистически сниженной окраской употреблены говорящим мотивированно: для выражения отрицательных эмоций и оценок. Кроме того, *оторвать и бесстыжая* скорее сочетаются с экспрессивами. Однако запрет оказывается сплошным – он объясним вульгарным ореолом этой лексики. Запрет нарушается лишь под давлением эмоций (*Увидал: Проха. На спине лежит, мордой кверху; ...только ведь набрехал Проха, царствие ему, надлюке, небесное. Как пить дать набрехал*).

Сконструированная в тексте модель качественного и количественного изменения словаря ЯЛ актуальна для сегодняшнего состояния русского языка: именно лексика низкого стиля, жаргонизмы и просторечие явно превысили допустимый процент в словаре носителей литературного языка.

Подведем итоги

Динамические процессы в структуре ЯЛ являются постоянными, однако их интенсивность мотивируется внешними причинами, а также языковым потенциалом личности. Освоение нового языкового и ментального пространства, а также «чистка» словаря (изменение значимости единицы в словаре) представляют собой сходные процедуры, состоящие из нескольких основных этапов: «увидеть» новое или непригодное старое слово, выявить его значимость, соотнести с другими единицами микропарадигмы (синонимами, в первую очередь), построить временную микропарадигму из слов-конкурентов, научиться извлекать сначала привычное, потом новое, а затем новое, параллельно ком-

ментируемое привычным, и, наконец, только новое, но маркированное как новое, недавно освоенное. Процесс вытеснения ЛЕ связан на начальном этапе с процессом генерализации, когда происходит неоправданное распространение образца на слишком широкую область: говорящий, например, избавляется от **всех** эмотивно-оценочных слов или употребляет вновь освоенную лексику **во всех** случаях, оправданных, с точки зрения ЯЛ.

Языковой потенциал личности проявляется, в частности, в способностях встраивать неизвестное в языковой и ментальный словарь, извлекая информацию а) из непосредственного процесса обучения; б) из реальной коммуникации; в) из рефлексивных процедур по поводу языковых знаков.

Особенности изменения словаря индивида позволяют определенным образом его характеризовать, вводя в типологию ЯЛ новый аспект – наличие/отсутствие языкового слуха, качество, скорость и способы усвоения/вытеснения единиц из лексикона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Гончарова Е. А.** Динамические процессы в лексиконе языковой личности. – Дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2009. – 226 с.
2. **Залевская А. А.** Слово. Текст: Избранные труды. – М.: Гнозис, 2005. – 543 с.
3. **Сазонова Т. Ю.** Моделирование процессов идентификации слова человеком: психолингвистический подход. – Тверь: Изд-во ТГУ, 2000. – 134 с.
4. **Виноградов В. В.** О языке художественной прозы: Избранные труды. – М.: Наука, 1980. – 360 с.
5. **Караулов Ю. Н.** Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 262 с.
6. **Попова З. Д., Стернин И. А.** Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: Истоки, 2003. – 191 с.
7. **Быкова Г. В.** Лакуарность в лексической системе русского языка. – Благовещенск: Изд-во Амурского гос. ун-та, 1998. – 218 с.
8. **Гак В. Г.** Сопоставительная лексикология (На материале французского и русского языков). М.: Междунар. отношения, 1977. – 264 с.
9. **Вепрева И. Т.** Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. – М.: Олма-Пресс, 2005. – 384 с.

DOI: [10.15293/2226-3365.1403.06](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1403.06)

Tripolskaya Tatiana Alexandrovna, Doctor of Philology Sciences, Professor of the Department of Modern Russian Language, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.

E-mail: tr_tatiana@mail.ru

Goncharova Elena Alekseevna, Candidate of Philology Sciences, the chief executive officer of the copywriting and corporate media agency “Paraphrase”, Novosibirsk, Russian Federation.

E-mail: 4flame@mail.ru

DYNAMIC PROCESSES IN THE LEXICON OF A LANGUAGE PERSONALITY

Abstract

The authors describe the formation of an adult person’s lexicon, including multistage processes of inclusion/replacement of lexical units. Dynamic processes in the structure of language personality are constant, but the intensity of these processes can be caused both by the external factors and the potential of language personality. The acquisition of new language and mental zones, as well as the changes in the significance level of language unit (so called “vocabulary cleaning”) have the same nature and the same stages. These stages include looking for a new word or inappropriate “old” word, defining its significance level, comparing the certain word with the rest of vocabulary (firstly with its synonyms), building the micro-paradigm of the rival (correlated) words, learning to mine the usual meaning and then – the new one, commented by the usual, and at the very end – the new word, marked as new, recently acquired word.

Dynamic processes in the personal vocabulary enable to characterize the person in a certain way, introducing new aspects in the typology of language personalities that are language sensitivity/insensitivity, quality, speed and ways of changes in the personality’s lexicon.

Keywords

language personality, dynamic processes in the lexicon, ways of inclusion/replacement of lexical units, self-consideration.

REFERENCES

1. Goncharova T. A. *Dynamic processes in the Lexicon of a Language Personality*. Cand. Phil. sci. Diss. Novosibirsk, 2009. 226 p. (In Russian)
2. Zalevskaya A. A. *Word. Text. Selected works*. Moscow: Gnozis Publ., 2005. 543 p. (In Russian)
3. Sazonova T. Yu. *Modelling for the processes of word identification by humans: psycho linguistic approach*. Tver: Tver State University Publ., 2000. 134 p. (In Russian)
4. Vinogradov V. V. *About the language of fiction prose: Selected works*. Moscow: Nauka Publ., 1980. 360 p. (In Russian)
5. Karaulov Yu. N. *Russian language and language personality*. Moscow: Nauka Publ., 1987. 262 p. (In Russian)
6. Popova Z. D., Sternin I. A. *The papers in cognitive linguistics*. Voronezh: Istokki Publ., 2003. 191 p. (In Russian)

7. Bykova G. V. *Lacunarity in the Russian lexical system*. Blagoveshchensk: Amur State University Publ., 1998. 218 p. (In Russian)
8. Gak V. G. *Comparative lexicology (of Russian and French languages)*. Moscow: Mezhdunarodniye otnosheniya Publ., 1977. 264 p. (In Russian)
9. Vepreva I. T. *Language introspection in Post-Soviet Era*. Moscow, 2005. 384 p. (In Russian)